

УДК 316.74

Вишневский Юрий Рудольфович

д-р филос. наук, профессор, завкафедрой социологии и социальных технологий управления УрФУ, почетный профессор Гуманитарного университета и УрФУ (г. Екатеринбург)

Vishnevskiy Yuriy Rudol'fovich

Doctor of Philosophy, Professor, Head of Chair of Sociology and Social Technologies, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, LAU and UrFU Emeritus Professor (Ekaterinburg)

**СВОБОДА СОВЕСТИ –
ЭТО И СВОБОДА
АТЕИСТИЧЕСКИХ УБЕЖДЕНИЙ**

**FREEDOM OF CONSCIOUS
IS THE FREEDOM OF ATHEISTIC
BELIEFS AS WELL**

Аннотация

В статье рассматривается понимание свободы совести и свободы вероисповедания в контексте советского и российского законодательства, социологических исследований, оценок содержания этих категорий с точки зрения РПЦ. Автор делает вывод о необходимости более глубокого понимания свободы совести в современном обществе, о недопущении любых попыток пересмотра определяющих принципов Российского государства как светского государства.

Ключевые слова: свобода совести; свобода вероисповедания; атеистические убеждения; верующие; различие науки и религии; светский характер государства.

Abstract

The article deals with the issues of freedom of conscious and freedom of worship in the context of Soviet and Russian legislation, sociological surveys, judgments of Russian Orthodox Church in this regard. The author concludes that modern society needs the deeper understanding of freedom of conscious and any attempt to review defining principles of the Russian state as a secular one is unacceptable.

Key words: freedom of conscious; freedom of worship; atheistic beliefs; worshippers; differences between science and religion; the secular nature of a state.

*Слава Богу, я всё еще атеист
Л. Бунюэль (исп. кинорежиссер)*

Нередки попытки рассматривать активизацию терроризма¹ как социальное явление в ракурсе религиозной идеологии и национальной принадлежности (как «исламский терроризм»), что обращает исследования к необходимости анализа взаимодействия государства и религиозных объединений, межконфессиональных отношений, защиты свободы совести и свободы вероисповедания².

Но при этом, на наш взгляд, необходимо более глубокое понимание свободы совести, недопущение любых попыток (даже продиктованных разумной идеей «сплочения перед угрозой» терроризма) пересмотра определяющих принципов Российского государства как светского государства. Поэтому мы не можем согласиться с идеей, высказанной митрополитом Илларионом (глава отдела внешних церковных связей РПЦ) на совместном заседании Госдумы и Совета Федерации 20.11.2015: «Пора, наконец, отказаться от такого понимания отделения церкви от государства, а школы от церкви, которое предполагает, что религия не должна напрямую присутствовать в светском образовательном пространстве» [8]. Такое «прямое присутствие религии» *сужает свободу совести, ущемляя права и инте-*

¹ Только в 2014 г. жертвами терроризма стали 32 658 человек – в 9 раз больше, чем в 2000 г. [8].

² См. подробнее о правах и свободах человека в статье А. П. Семитко «Приоритет прав и свобод человека как одно из правовых оснований либерализма» [6].

рессы атеистов, рассматривающих многие религиозные положения и догматы как ненаучные.

В основе атеизма лежит, на наш взгляд, различие *науки и религии*. Удачно об этом сказал П. А. Сорокин. Наука рассматривалась им как совокупность точных знаний о каком-либо разряде явлений. Ей противопоставлялись «верования» как объективно неверные, но кажущиеся тому или иному человеку, их разделяющему, правильными идеями и суждениями. По мнению Сорокина, большая часть убеждений, теорий, представлений состоит не из точных знаний, а из верований: «человек до сих пор представляет не столько существо знающее, сколько верующее» (цит. по: [7. С. 282]). За почти 100 лет, прошедших с того момента, несмотря на огромный научный прогресс, ситуация на уровне убеждений и представлений массового человека не очень изменилась. Кстати, П. Сорокин не ограничивал «верования» лишь областью религии. «Высокие слова» верований провозглашаются и религиозными авторитетами, и вождями «социалистических и консервативных партий, монархических и советских правительств, когда они для оправдания своих действий ссылаются на “волю народа”, на “интересы демократии или пролетариата”» [Там же]. С этой позицией Сорокина переплетаются идеи многих зарубежных авторов, рассматривавших «советский марксизм» как разновидность религии. В ракурсе этих идей становятся понятными и рассуждения некоторых современных российских «атеистов»: «Никакого атеизма в СССР никогда не было. Притеснение РПЦ объяснялось лишь борьбой официальной религии (коммунизма) с неофициальной (христианством). Коммунизм атеизмом мог лишь прикрываться, поскольку свою религию объявлял наукой» [3]. Вряд ли столь сложную проблему можно решить столь однозначно. Но вспомним Твардовского: «Мы так Вам верили, товарищ Сталин, как, может быть, не верили себе». Проблема «Научен ли научный социализм (коммунизм)?» реально возникала перед многими мыслителями и теоретиками социальной мысли. Но для религиозно верующих более актуальной была другая проблема – атеизм ими воспринимался в ракурсе политики Советского государства, *направленной на изживание религии из общества*.

Атеизм из области *мировоззренческой* переносился в *политико-правовую*. Это, кстати, противоречило исходному подходу В. И. Ленина, отмечавшего: «Всякий должен быть совершенно свободен исповедовать какую угодно религию или не признавать никакой религии, т. е. быть атеистом, каковым и бывает обыкновенно всякий социалист. Никакие различия между гражданами в их правах в зависимости от религиозных верований совершенно не допустимы» [2. С. 143]. На практике однако утвердилось иное – политическое – толкование «воинствующего» атеизма.

Характерно для такого толкования (и соответствующих ему акцентов в понимании и правоприменении принципа «свободы совести») его закрепление в Конституции СССР.

В ст. 124 Конституции СССР (1936 г.) указывалось: «В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви».

Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признаются за всеми гражданами». Итак, реализация принципа «свободы совести» соотносилась со светским характером государства (отделение церкви от государства и школы от церкви). Но *религиозные свободы фактически ограничивались лишь «отправлением религиозных культов»*. В рамках атеистической составляющей свободы совести акцент переносился на *«свободу антирелигиозной пропаганды»*.

Статья 52 Конституции СССР (1977 г.) гласила: «Гражданам СССР гарантируется свобода совести, то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду. Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается». Заметно усилился *лично-мировоззренческий аспект* «свободы совести» – как «право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой». Акцент на пропаганде (хотя и с изменением термина – с «*антирелигиозной*» на «*атеистическую*») сохранился. Впрочем, за изменением названия, возможно, стояло стремление акцентировать *научный*, а не *нигилистический* характер этой пропаганды (что отразилось в названии предмета «научный атеизм», который с 1959 г. стал изучаться в вузах СССР)³.

Печальный опыт борьбы с религиозными предрассудками показывает, что убеждения и мировоззрение людей обладают определенной устойчивостью и инерцией. На волне демократических преобразований в конце 1980-х гг. в СССР происходила и активизация религиозных объединений. Начиналась и массовая *деатеизация* общества (точнее – отказ от *формального атеизма*).

Нормативно-правовым отражением этих процессов явился Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» (1990). Уже название этого закона означало шаг к сужению свободы совести, хотя ст. 3 и гарантировала «право каждого гражданина свободно выбирать, иметь и распространять *религиозные и атеистические убеждения*, исповедовать любую религию или не исповедовать никакой и действовать в соответствии со своими убеждениями при условии соблюдения законов государства».

Логика акцентирования лично-мировоззренческого аспекта «свободы совести» привела к тому, что наряду с правом выбора и исповедания своих (религиозных или атеистических) убеждений было отмечено и право их «*распространять*». Положения об атеистической пропаганде были (совершенно верно!) убраны. Но начался и обратный процесс – ст. 8 упоминает лишь «право религиозных организаций участвовать в общественной жизни», об аналогичных правах организаций атеистов нет ни слова. В ст. 9 подчеркивался «*светский характер*» государственного образования, но допускалась *возможность факультативного преподавания религии*, что открывало двери (особенно – с учетом бурного развития негосударственного образования в 1990-х гг.) для его постепенной легализации – под маркой «религиоведения» и «истории мировых религий».

В дальнейшем правовая сторона корректируется, но присущие закону 1990 г. противоречия в той или иной форме сохраняются. По ст. 28 Конституции РФ «каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними». Тем самым «свобода совести» и «свобода вероисповедания» рассматриваются как однопорядковые, равнозначные. Но свобода вероисповедания есть лишь частный случай свободы совести, поскольку последняя включает в себя как свободу религиозных убеждений, так и все виды религиозно индифферентных и атеистических убеждений. Более частный характер понятия «свобода вероисповедания» проявляется и в том, что в международных документах (ст. 18 Всеобщей декларации прав человека, ст. 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод) вместо не-

³ Хотя, если обратиться к постановлениям ЦК КПСС 1954 г., где понятие «научно-атеистическая» фигурировало («О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения»; «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения»), там акцентировалась не научность, а «борьба с религиозными предрассудками», призывы к «разоблачению реакционной сущности религии».

го употребляется понятие «свобода религии». Иными словами, «свобода вероисповедания» – это *религиозная* свобода.

Примечательно, что РПЦ термин «свобода совести» рассматривает преимущественно негативно: «Утверждение юридического принципа свободы совести свидетельствует об утрате обществом религиозных целей и ценностей, о массовой апостасии⁴ и фактической индифферентности к делу Церкви и к победе над грехом. Но этот принцип оказывается одним из средств существования Церкви в безрелигиозном мире, позволяющим ей иметь легальный статус в секулярном государстве и независимость от инаковерующих или неверующих слоев общества» [4].

Таким образом, отождествление понятий «свобода совести» и «свобода вероисповедания», в конечном счете, ведет к сужению первого из них – за счет недооценки атеистических убеждений.

При этом нельзя не отметить – как позитивный момент – подчеркнутый в ст. 14 Конституции РФ *светский характер государства*.

Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ, пришедший на смену Закону РСФСР от 25 октября 1990 г. «О свободе вероисповеданий», казалось бы, устранил отмеченное сужение понятия «свобода совести» (за счет атеистического компонента). Но это ограничилось лишь названием. Уже в ст. 1 предмет регулирования закона определен как «правоотношения в области прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания, а также правовое положение религиозных объединений». И вновь оба понятия идут как равнозначные, а правовое положение ограничено лишь религиозными объединениями и ни слова о возможности объединения людей с атеистическими убеждениями.

Еще раз хотелось бы подчеркнуть: говоря о проявляющейся сегодня определенной дискриминации (точнее – игнорировании) интересов людей с атеистическими убеждениями, мы не считаем возможным недооценивать огромную социальную роль религии, ее вклад в развитие мировой цивилизации и культуры, значимость ее социальной, благотворительной и миротворческой политики. Один важный штрих: слово «religious» с английского языка переводится как «религиозный, честный, добросовестный». Так, язык – величайшее хранилище культуры – отразил (и сохранил) важность нравственной функции религиозного воспитания.

Отметим и происшедший в нашем обществе за годы реформ определенный «религиозный ренессанс». В этом отношении следует учесть исследования Национального центра изучения общественного мнения (NORC) при Университете Чикаго (США) [1]. В докладе центра в динамике (1998–2008 гг.) представлено соотношение верующих и неверующих в разных странах. По их данным, вера более сильна в католических странах и США, а наименее – в Скандинавии и протестантских странах. Россия оказалась в середине рейтинга. Но Россия – мировой лидер по сокращению доли атеистов среди населения. В Чехии, например, за 10 лет атеистов стало на 18,4 % больше. А вот в нашей стране, наоборот, – атеистов стало на 11,7 % меньше (1998 г. – 18,5 % от населения России, 2008 г. – 6,8 %).

Весьма значимо и то, что среди россиян все более утверждается спокойное отношение к деятельности Церкви. Характерен недавний опрос ФОМ об оценке россиянами распространения религиозных убеждений.

В этом отношении можно сослаться на исследования российских социологов, посвященных вопросу о значении религии в обществе.

---

⁴ Апостасия – вероотступничество (Ю. В.).

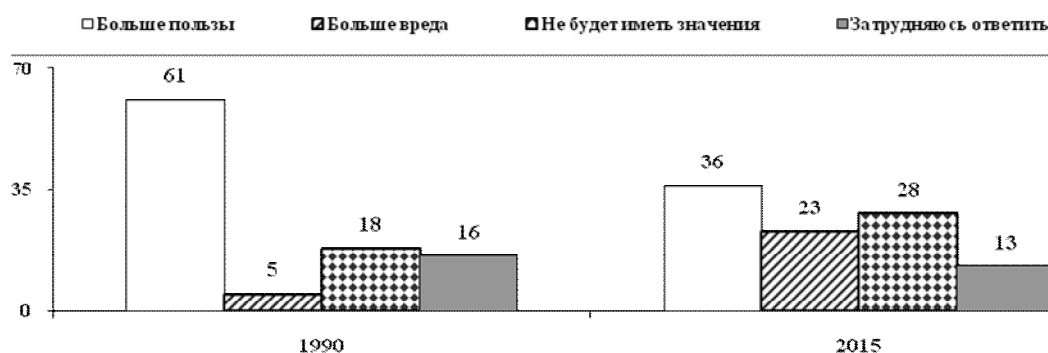

Рис. 1. Чего больше - пользы или вреда - может принести распространение религиозных убеждений для общества в целом? (ФОМ. АиФ. 2015. № 32)

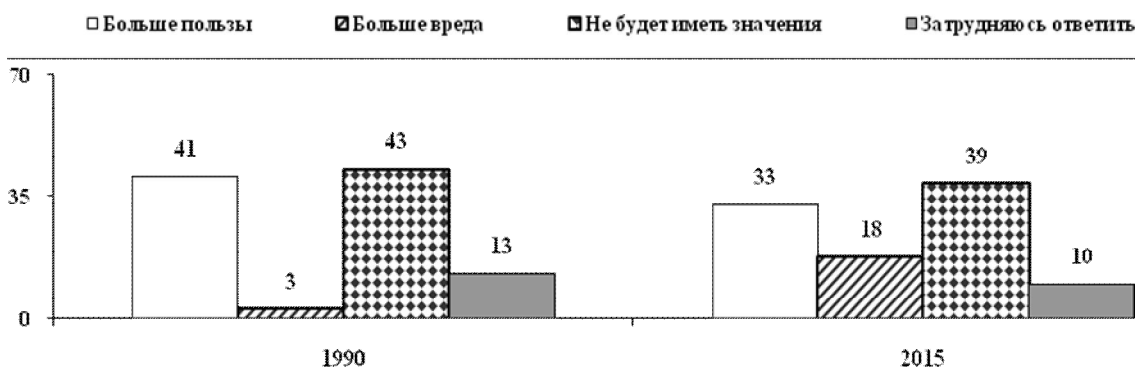

Рис. 2. Чего больше - пользы или вреда - может принести распространение религиозных убеждений для Вас лично? (ФОМ. АиФ. 2015. № 32)

Существенно и то, что быстрый рост числа верующих (точнее – называющих себя «верующими») не сопровождается значительным ростом числа «воцерковленных», соблюдающих религиозные обряды.

Духовное возрождение России нередко соотносят с *религиозным ренессансом*, происходившим в постсоветский период. Процесс этот достаточно противоречив, что отразило исследование Левада-Центра (2013 г.), опубликованное под характерным названием «Россияне считают себя верующими, но в церковь не ходят» [5].

По данным исследователей, 77 % россиян считают себя верующими. Но большинство россиян посещают религиозные службы раз в год и реже. Причем более трети россиян вообще не ходят в церковь. 68 % россиян причисляют себя к православным. За 10 лет их количество в стране выросло на 12 % (в 2002 г. к православным себя относили 56 % участников опроса). Второе место по численности верующих в России традиционно занимает ислам. К его приверженцам себя относят 7 % жителей нашей страны. С начала века их стало почти вдвое больше (в 2002 г. – 4 %). По 1 % россиян принадлежит к западным христианским конфессиям – католицизму и протестантским деноминациям. И почти столько же представителей иудаизма. Неверующими себя считают 19 % (в 2002 г. – 32 %). Несмотря на рост числа людей, которые причисляют себя к какой-либо религии, доля активно верующих остается незначительной. Раз в месяц и чаще посещают церковные службы лишь 14 % респондентов. За последние годы религиозный энтузиазм даже поутих, поскольку в 2007 г. таковых было 20 %. Большинство верующих предпочитает заходить в церковь один (16 %) или несколько раз в год (17 %). 13 % прихожан бывают на службах раз в несколько лет. Никогда не посещают церковь 35 % россиян. Еще меньше людей принимает участие в церковных таинствах. Среди российских православных и католиков 62 % никогда не ходят к

причастию. Тем не менее за 10 лет их число сократилось на 14 % (в 2002 г. – 76 %). 22 % причащаются раз в год и реже, а несколько раз в год и чаще – 14 % российских христиан.

По мнению исследователей, 14 % – это примерное число людей, которые действительно верят, а не относят себя к той или иной конфессии по принципу культурной принадлежности, не будучи при этом воцерковленными людьми. Понятие духовно-религиозной идентификации много шире, чем наличие устойчивых и определенных религиозных взглядов. Причем, отмечают социологи, даже эту цифру можно считать завышенной. Тех, кто постоянно участвует в жизни своей религиозной общины, поддерживает регулярные контакты с другими верующими и сверяет свои действия с конфессиональными требованиями, по их оценке, у нас 5–6 %. У представителей церкви несколько иные оценки. Соглашаясь, что активно верующих людей в российском обществе не много, они считают это внутрицерковной проблемой и полагают, что людей, которые в той или иной мере участвуют в церковных таинствах, около 17 %, сожалея по поводу незначительности этой цифры. При этом отмечается отсутствие измерительного инструмента, которым можно было бы оценить степень православия у человека. С таким подходом священнослужителей, очевидно, можно согласиться. Как и с их мнением: «Если человек считает себя православным – эта самоидентификация играет важную роль. Это и те, кто хочет быть, кто готов сделать шаг к воцерковлению». Будущее России соотносится с тем, какое количество номинальных православных станет настоящими. По оценке религиоведов, выявленная социологами религиозная ситуация в России – это «нормальная ситуация для секулярного общества начала XXI в. Очень большой процент тех, кто называет себя православными, мусульманами и так далее, делают это по причине культурной, этнической, языковой идентификации. При этом в религиозной жизни они не нуждаются».

Было бы непростительной стратегической и политической ошибкой не сделать выводов из уроков краха советского «формального атеизма» и успокаивать себя растущей (но зачастую столь же формальной) религиозностью россиян. Необходимо утверждать подлинно толерантные отношения в обществе, но это невозможно без устранения недооценки роли людей с атеистическими убеждениями в реализации конституционного принципа «свободы совести», укреплении светского характера государства.

Литература

1. Дзись-Войнаровский Н. Атеисты в России вымирают [Электронный ресурс]. – URL: http://slon.ru/world/gde_vera_silnee-796227.xhtml
2. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – Т. 12.
3. Новый русский атеизм глазами атеистов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ateism.ru/nra/na05.htm>
4. Основы социальной концепции Русской православной церкви [Электронный ресурс]. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/379080>
5. Россияне считают себя верующими, но в церковь не ходят [Электронный ресурс] // Известия. – 2013. – 24 декабря. – URL: <http://izvestia.ru/news/563084#ixzz3qSsfJO4>
6. Семитко А. П. Приоритет прав и свобод человека как одно из правовых оснований либерализма // Вестник Гуманитарного университета. – 2015. – № 4 (11). – С. 59–83.
7. Социология в России / под ред. В. А. Ядова. – 2-е изд., перераб. и дополн. – М. : Изд-во ИС РАН, 1998.
8. Сплочение перед угрозой // Советская Россия. – 2015. – 21 ноября.